

Наконец, хочу подчеркнуть, что космоконцепция Снукса и Панова не догматична и не апеллирует ни к какому иному авторитету, кроме разума интересующегося ею читателя. Скорее эта концепция предлагается в надежде, что она поможет разъяснить некоторые трудности, возникающие в голове у тех, кто ранее был привержен другим доктринам. Большинству учёных понятно, что нет безошибочного раскрытия этого сложного предмета, включающего всё под Солнцем и над ним также. Непогрешимое объяснение авторов внушало бы недоверие к ним, а так есть возможность ещё раз задуматься над быстротечностью жизни и, возможно, подвинуть власть предрешающих в финансовом и политическом мире на какие-то разумные действия. В равной мере это может касаться как многочисленных «интеграторов-глобалистов», так и не менее многочисленных «сепаратистов-дезинтеграторов» и антиглобалистов.

Литература:

1. Панов А.Д. Завершение планетарного цикла эволюции? // Философские науки. – 2005. – №3. – С. 42-49.
2. Панов А.Д. Завершение планетарного цикла эволюции? // Философские науки. – 2005. – №4. – С. 31-50.

ТВОРЧЕСТВО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ И ПУТЬ К ГАРМОНИЗАЦИИ БЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ

Н.А. БЕРДЯЕВА

Докл. – асп. Сынах А.А.

Науч. рук. – проф. Вандышев В.Н.

Центральным стержнем философии Бердяева была идея творчества как откровения человека, совместно с Богом продолжающего творения. Философия христианского творческого антропологизма мыслителя получила свое первое развернутое выражение в книге “Смысл творчества”, основная тема которой - идея творчества как религиозной задачи человека.

В этом произведении философ ставит вопрос об отношении творчества и греха, творчества и искупления, об оправдании человека в творчестве и через творчество. Он считает, что "оно оправдывает человека, оно есть антроподицея". Антроподицея, согласно Бердяеву, это "третье антропологическое откровение", возвещающее о наступлении "творческой религиозной эпохи". Оно упраздняет откровение Ветхого и Нового заветов ("Христианство так же мертвеет и коснеет перед творческой религиозной эпохой, как мертвел и коснел Ветхий завет перед явлением Христа"). Но третьего откровения нельзя ждать, его должен совершить сам человек; это будет делом его свободы и творчества. Творчество не оправдывается и не допускается религией, а само является религией. Его целью служит искание смысла, который всегда находится за пределами мировой данности; творчество означает "возможность прорыва к смыслу через бессмыслицу". Смысл есть ценность, и потому ценностно окрашено всякое творческое стремление. Творчество создает особый мир, оно "продолжает дело творения", уподобляет человека Богу-Творцу. Бердяев считает, что "все достоинство творения, все совершенство его по идее Творца - в присущей ему свободе. Свобода есть основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему; в этом признаке заключено абсолютное совершенство плана творения" [2, 340]. Присущая человеку способность к творчеству божественна, и в этом состоит его богоподобие. Со стороны Бога высшая природа человека показывается Иисусом Христом, Богом, принявшим человеческий облик; со стороны человека - его творчеством, созданием "нового, небывшего еще".

Для автора "творчество человека не есть требование человека и право его, а есть требование Бога от человека, обязанность человека". "Бог ждет от человека творческого акта как ответ человека на творческий акт Бога. О творчестве человека верно то же, что и о свободе человека. Свобода человека есть требование Бога от человека, обязанность человека по отношению к Богу" [1, 107]. Бердяев пишет:

“Творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит. Из необходимости рождается лишь эволюция; творчество рождается из свободы” [2, 368]. Тайна творчества также “бездонна и неизъяснима”, как и тайна свободы.

“Творчество - это цель жизни человека на земле - то, для чего Бог создал его. Если христианство есть религия спасения, то это спасение через творчество, а не только через аскетическое очищение от греха” [2, 383], - пишет Бердяев. Философ считает, что творчество возможно лишь при наличии свободы, не детерминированной бытием, не выводимой из бытия. Иначе, без “ничто”, без небытия творчество в истинном смысле слова было бы невозможно.

В “Смысле творчества” Бердяев выражает мысль, что “творчество есть творчество из ничего, то есть из свободы”. Было бы неправильно думать, что творчество человека не нуждается в какой-либо материи (материале), так как совершается в реальности. Бердяев поясняет, что “творческий акт человека не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром. Это и есть тот элемент свободы, который привходит во всякий подлинный творческий акт” [2, 368-369]. Именно в этом смысле “творчество есть творчество из ничего”. Бердяев считает, что творческие дары даны человеку Богом, но в творческие акты человека привходит элемент свободы, не детерминированной ни миром, ни Богом.

В произведениях писателя можно проследить связь между его исключительным отношением к творчеству и достаточно пессимистическим отношением к действительности. Он пишет: “Творческий акт для меня всегда был трансцендированием, выходом за границу имманентной действительности, прорывом свободы через необходимость”. “Творческий акт есть наступление конца этого мира, начало иного мира”. Автор предупреждает, что может возникнуть иллюзия, что “результаты творческого акта могут быть совершенными в этом мире, могут нас оставлять и не притягивать к иному миру”. Бердяев пишет, что совершенные

продукты творчества ”всегда говорят о мире ином, чем эта мировая действительность, и упреждают преобразование мира”. Очевидно особое отношение писателя к творчеству. “Творчество, - пишет он, - было для меня погружением в особый, иной мир, мир, свободный от тяжести, от власти ненавистной обыденности. Творческий акт происходит вне времени. Во времени лишь продукты творчества, лишь объективация. Продукты творчества не могут удовлетворять творца. Но пережитый творческий подъем, экстаз, преодолевающий различие субъекта и объекта, переходит в вечность” [1, 83 – 84]. “Творчество для меня не столько оформление в конечном, в творческом продукте, сколько раскрытие бесконечного, полет в бесконечность” [2, 344]. Бердяев понимает под творчеством “потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию”. Именно в творческом опыте “раскрывается, что “я”, субъект, первичнее и выше, чем “не-я”, объект”.

Можно сделать вывод, что, с одной стороны, творчество - это высшее проявление свободы, создающей из “ничто” подлинное и ценностное, с другой - процесс деобъективации затвердевшего в формах бытия, природы и истории. “Творчество всегда есть освобождение и преодоление. В нем есть переживание силы. ...Ужас, боль, расслабленность, гибель должны быть побеждены творчеством. Оно по существу есть выход, исход, победа” [2, 370]. Творчество - это откровение “я” Богу и миру, в нем оправдание человека, как бы ответный шаг на его пути к трансцендентному.

Литература

1. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: “Книга”, 1991.
2. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: “Правда”, 1989.